

Философия борьбы

Интерес к личности Эмануила Ласкера не ослабевает с течением времени. Особенно широко обсуждается феномен поразительного спортивного долголетия второго чемпиона мира. Напомним, к примеру, что на II Московском международном турнире 1935 года он, в возрасте 67 лет, завоевал третий приз, лишь на пол-очка отстав от М. Ботвинника и С. Флора, опередив Х.Р. Капабланку и солидную группу гроссмейстеров и сильных мастеров. Из девятнадцати партий Эм. Ласкер не проиграл ни одной (!), шесть выиграл и тринадцать завершил мирным исходом.

Указанный феномен трудно объяснить только физическими кондициями, если учесть, что спортом он не занимался (любил лишь длительные прогулки пешком), всю жизнь курил и не отказывался от крепкого кофе и рюмки коньяка.

Секрет в другом — в постоянном проявлении интеллектуальной активности, которая позволила ему сохранить высокий уровень умственных способностей на всей дистанции жизненного пути.

Именно в этом биография Эм. Ласкера может служить примером, подтверждающим теорию, обоснованную клас-

сиком отечественной психологии Б.Г. Ананьевым. Исследуя динамику развития психологических характеристик человека на различных возрастных этапах, Б. Ананьев, в частности, выявил условия, замедляющие процесс старения. Он резюмировал: «Постоянная умственная деятельность, высокая социальная активность, труд и творчество — факторы, противостоящие инволюционным процессам и регулирующие ход органического развития». Весьма важным представляется и следующее открытие Б. Ананьева: оказалось, что влияние социальных факторов, интеллекта на физическое состояние человека в период старения неизмеримо больше, чем в ранние годы. Если здесь уместна шутка (однако, похожая на правду), то можно сказать, что в вечной борьбе духа с материей шансы первого возрастают с каждым прожитым годом.

Но вернемся к Эм. Ласкеру. Как свидетельствуют факты, его духовный мир был всегда насыщен. Достаточно кратко перечисления его серьезных интересов: наряду с шахматами он проявил основательность и глубину в анализе математических проблем. Занявшись так называемой теорией вероятностей, он, по свидетельству современных ученых, стал одним из основателей нового направления в науке — теории игр. Этот раздел математики весьма актуален в наши дни, поскольку изучает процесс принятия оптимальных решений в условиях состязания и противоборства (например, в экономике).

Постоянное внимание проявлял Эм. Ласкер к философским вопросам. В 1913 году он публикует книгу «Постижение мира», спустя пять лет выходит в свет «Философия бесконечности», а в 1940 году в Нью-Йорке издается его главная философская работа «Общество будущего». При встречах с А. Эйнштейном Эм. Ласкер критикует теорию относительности, полагая, что постулат постоянства скорости света может быть оспорен (например, в абсолютно пустом пространстве).

В широкий круг его интересов входили не только глобальные проблемы. Внимание Эм. Ласкера привлекали интеллектуальные игры: японские «шахматы» — го, а также карточные игры, особенно бридж. Он даже опубликовал книгу, посвященную описанию наиболее распространен-

ных в мире интеллектуальных игр и подготовил к печати рукопись «Мировоззрение игрока», где проанализировал основные психологические ситуации при игре в карты. К сожалению, эта рукопись до сих пор не опубликована.

Во время Первой мировой войны Эм. Ласкер ознакомился с конструкцией нового оружия — танка и высказал ряд соображений относительно использования танков в крупных войсковых операциях. А несколько позднее от изучения машин перешел... к драматургии. Одна из его пьес, названная «О человеке эта повесть» (написанная совместно с братом Бертольдом) шла в 20-е годы на сцене одного из берлинских театров.

Однако, если окинуть общим взглядом увлечения Эм. Ласкера, от шахмат до бриджа, то заметным становится объединяющий признак — все они связаны с деятельностью людей в конфликтных ситуациях и с разных позиций отражают правила и методы их борьбы между собой. Именно потребность познать и понять сущность человеческого противоборства и создать научную теорию борьбы выражали кредо многолетних раздумий и исследований Эм. Ласкера.

В 1907 году он выступил с первой крупной работой по этой теме, опубликовав книгу «Борьба». В ней он попытался выделить общие законы борьбы, которая, как он с достаточной категоричностью утверждал, лежит в основе жизни человека. В качестве таких законов были названы активность, простота, экономичность и гармония.

В шахматах Эм. Ласкер видел превосходную модель для изучения конфликтных ситуаций. В книге «Борьба» и последующих философских работах он неоднократно подчеркивал эту мысль. Вот некоторые из его высказываний: «Шахматы — прообраз человеческой борьбы. Они — не детская игра, а игра, заставляющая самостоятельно действовать, экспериментировать в суровых условиях»... «Многие без достаточных оснований считают шахматы только игрой, только средством отдыха или возводят шахматы на уровень науки. По-моему, характерной их чертой является то, что человеческая натура ценит больше всего — борьба»... «Я хочу показать связь между основами шахматной игры и проблемами жизни. Шахматы полезны

для обучения борьбе, которую требует существование, мы должны развивать силы, потребные для конфликтных ситуаций».

Сходные идеи Эм. Ласкер развивает и в специальных шахматных работах. Укажем на «Учебник шахматной игры», «Здравый смысл в шахматах» и др.

В публикациях, посвященных математическим проблемам и анализу карточных игр, Эм. Ласкер также пытался выявить закономерности, позволяющие сделать правильный выбор в обстановке неопределенности и риска. Анализ шансов игроков был им проведен так, как могли бы сделать исследователи, знакомые с позднее разработанной математической теорией игр. Любопытно, что Нобелевскую премию за 1994 год получили Д. Нэш и Д. Харсани (США) и Р. Зелтен (ФРГ) за исследования, посвященные конкурентной борьбе в экономике. Были использованы методы теории игр, а моделью анализа являлись шахматы и покер.

Правомерен вопрос: что же было главным для Эм. Ласкера — поиски научной теории борьбы, в которых шахматы выполняли роль исследовательского полигона или шахматы как самостоятельное творчество? Известно мнение А. Эйнштейна по этому поводу: «Необычайная мощь его ума... всегда была связана с шахматами, и дух этой игры доминировал, даже когда речь шла о философских или общечеловеческих проблемах. И все же мне казалось, что шахматы для него были скорее средством существования, чем смыслом жизни. Подлинные его интересы были связаны с проникновением в науку, в красоту ее логических построений, красоту, покоряющую всякого, кто хоть раз испытывал ее воздействие. Материальное благосостояние Спинозы и его независимость базировались на шлифовке оптических стекол; в жизни Ласкера аналогичную роль играли шахматы».

Но все же трудно согласиться с А. Эйнштейном. По-видимому, на поставленный вопрос нельзя ответить однозначно: так же, как левая и правая рука, Эм. Ласкеру одинаково дороги были и наука, и практические шахматы.

Часто упоминают о том значении, которое Эм. Ласкер придавал психологии. Это действительно так. Но надо учи-

тивать, что его отношение к психологии в шахматах носило выборочный, можно сказать, прагматический характер. Из данных психологии им использовались те, которые непосредственно были связаны с его концепцией борьбы и помогали достижению победы над соперником. Поэтому отзывы Эм. Ласкера о других шахматистах обычно содержат те сведения об их характере и стиле игры, которые пригодны для прямого практического использования. Показательно, к примеру, следующее высказывание Эм. Ласкера: «Шахматная партия — борьба... И поэтому знание сильных сторон и слабостей противников чрезвычайно важно. Так, партии Рети явно показывают, что белыми он играет лучше, чем черными; партии Мароци — что он осторожно защищается и лишь тогда сам атакует, когда вынужден к этому; партии Яновского — что он может десять раз держать в руках выигрыш, но, не желая расстаться с партией, в конце концов уверенно ее проигрывает...».

Психологические характеристики, даваемые Эм. Ласкером соперникам, как правило, были точными и объективными. Это принесло ему множество побед. Укажем на партию с Х.Р. Капабланкой (Петербург, 1914), матчи с З. Таррашем, Д. Яновским, Ф. Маршаллом и др. Лишь в понимании К. Шлехтера и Г. Пильсбери были допущены ошибки.

Признание борьбы как принципа существования и потребности шахматиста-практика обусловили воспитание характера жесткого, умного борца, призванного побеждать.

Не секрет, что Эм. Ласкер был очень честолюбив. Перед матчем с В. Стейницем в 1894 году, в интервью газете «Чикаго Геральд» он заявил: «Я уверен, что в матче я побью его. Во мне кроется столько самолюбия, что я добьюсь звания чемпиона всего света. Если матч со Стейницем состоится, то мое самолюбие будет удовлетворено».

Атрибут борьбы — диктат. Это и стремление утвердить свое «я» и подавить волю противника, это и желание и необходимость в максимальной мере воспользоваться плодами достигнутой победы. Указанные тенденции проявлялись в поведении второго чемпиона мира по-разному. Вот вроде бы малозначительное наблюдение А. Эйнштейна: «Не раз в наших беседах мне принадлежала роль слушателя,

ибо творческой натуре Ласкера было более свойственно излагать свои собственные идеи, нежели воспринимать чужие».

Эм. Ласкер был требователен и тверд к организаторам турниров и меценатам. Так, за участие в турнире 1914 года в Петербурге он получил в качестве экстра-гонорара громадную по тем временам сумму — 4000 рублей. Недешево стоили и его сеансы одновременной игры в США. Но меценаты платили — ведь чемпион мира один.

Свой чемпионский титул Эм. Ласкер с успехом защищал не только в матчах, но и путем искусного выбора партнеров для этих состязаний. На рубеже XIX и XX веков наиболее опасными соперниками чемпиона мира были Г. Пильсбери и З. Тарраш.

Любопытно свидетельство Л. Верховского — исследователя творчества американского гроссмейстера: «Во время турне Ласкера по Америке в 1901 году чемпиона мира спросили, примет ли он вызов Пильсбери на матч. Ответ был следующий — «Пильсбери по своему положению в шахматном мире имеет на такой вызов полное право, и я был бы вынужден принять этот вызов или же сложить с себя звание всемирного чемпиона» — и все же, когда в 1901 году Пильсбери послал вызов Ласкеру, чемпион мира ему не ответил».

На несколько лет растянулись переговоры об организации матча между Эм. Ласкером и З. Таррашем. Наконец, в 1908 году это состязание было проведено, но к тому времени шахматная сила З. Тарраша заметно шла на убыль.

В конце 1911 года Эм. Ласкер принял вызов от А. Рубинштейна. Особенно интересен был бы этот матч в 1912–1913 годах, периоде пика в шахматной карьере претендента. Но из-за несущественных деталей переговоры затянулись до Первой мировой войны. Потом они уже не возобновлялись, так как результаты А. Рубинштейна резко понизились.

Лишь с двумя претендентами, находящимися в расцвете сил — с К. Шлехтером (1910) и Х.Р. Капабланкой (1921), играл матчи Эм. Ласкер. Причем в последнем состязании он согласился на невыгодные для себя условия. Матч проводился в Гаване, где соперника страстно поддерживала

«вся Куба», а чемпион испытывал неудобства от непривычного климата тропиков. Но почему же дотоле непреклонный Эм. Ласкер поехал в Гавану? Видимо, он был вынужден пойти на этот шаг из-за общественного мнения, уставшего от десятилетнего ожидания (Х.Р. Капабланка направил свой вызов еще в 1911 году), обстановки в разоренной Германии и потери сбережений в связи с послевоенной инфляцией.

В шахматной борьбе Эм. Ласкер использовал различные психологические приемы. Расскажем об одном. Когда Р. Фишер в первой половине матча с Б. Спасским (Рейкьявик, 1972) систематически опаздывал к началу игры, заставляя противника ждать и волноваться, мало кто знал, что этот прием заимствован у Эм. Ласкера. На турнире 1909 года в Петербурге Эм. Ласкер на партию с К. Шлехтером явился с 30-минутным опозданием и сделал свой ход. К. Шлехтер находился в другой комнате. Его предупредили: «Ваши часы идут». — «Знаю», — ответил К. Шлехтер, но только через 30 минут он подошел к доске, сделав ответный ход. Он не пожелал принять «фору». Но, видимо, «данайский дар» не прошел даром — К. Шлехтер играл неуверенно и вскоре оказался в проигрышном положении. Лишь серьезная оплошность Эм. Ласкера спасла К. Шлехтера от поражения.

К сказанному добавим, что незадолго до начала Петербургского турнира между партнерами был подписан договор о предстоящем матче на мировое первенство. Может быть, опоздание было первым ходом в предматчевой подготовке?

Кроме описанного, известны и другие случаи опоздания Эм. Ласкера на игру и в том же турнире (с Дуз-Хотимирским — на 12 мин, с Перлисом — на 10 мин и др.).

Нам бы не хотелось делать далеко идущие выводы из приведенных фактов. Они выражают лишь одну из граней сложного жизненного пути второго чемпиона мира. Пути, по которому он прошел, как сильный, решительный и независимый человек. Наверное, он в чем-то ошибался, но он действовал, создавал, не уклонялся от острых вопросов. А при такой позиции от ошибок не застрахован никто.

Закончу эту главу словами А. Эйнштейна: «...мне очень нравится стремление Ласкера к независимости, к самоутверждению — столь редкое качество в поколении, где почти все интеллигенты принадлежат к категории приспособленцев».

Медвежья услуга Эмануилу Ласкеру

*Скажи мне твой рейтинг,
и я скажу, кто ты*

Люди всегда стремятся дать имеющимся фактам количественные оценки. А если таковые есть, то сделать их более точными. Не избежали подобного подхода и шахматы.

Начиная с 20-х годов прошлого, в шахматных изданиях обсуждался вопрос о сравнении успехов шахматистов, показанных в совокупности различных соревнований, турниров и матчей. В 1939 году кандидат в мастера С. Зефиров разработал формулу определения числового показателя достижений, менявшегося в зависимости от результатов шахматиста в соревнованиях.

Затем эта идея была дополнена и усовершенствована (А. Хачатуров, Б. Беркин и др.). Но наиболее объективной и точной оказалась система, предложенная американским профессором Арпадом Эло. В основу пересчета индивидуального коэффициента он положил принцип взаимосвязи между вероятностью победы одного шахматиста над другим и разницей их индивидуальных коэффициентов. В 1970 году система Эло была принята ФИДЕ и ныне широко используется при решении вопросов, связанных с присвоением званий, комплектованием турниров и т. д.

На основании опыта применения, насчитывающего почти полвека, можно сказать, что система Эло доказала свою жизнеспособность и в целом представляет обоснованные показатели как для оценки «веса» отдельных соревнований, так и для сравнения достижений разных шахматистов в совокупности турниров и матчей.

Как говорится, все было бы хорошо, если бы указанную систему не пытались распространить на прошлые, подчас

далекие времена и сравнивать успехи шахматистов разных времен. Увлечшись идеей «всеобщей шахматной математизации», первым на это путь встал сам А. Эло. Вот как выглядел составленный им рейтинговый список шахматистов прошлого: Капабланка — 2725, Ласкер — 2720, Алехин — 2690, Морфи — 2690, Стейниц — 2650, Эйве — 2650, Рубинштейн — 2640, Пильсбери — 2630, Нимцович — 2615, Боголюбов — 2610, Тарраш — 2610, Андерсен, Видмар, Чигорин, Шлехтер, Цукерторт — по 2600, Бернштейн — 2590; Блэкберн, Колиш, Маршалл, Тейхман, Харузек, Яновский — по 2570; Гунсберг, Тартаковер, Шпильман, Элисказес — по 2560; Грюнфельд, Л. Паульсен, Рети — по 2550; Левенфиш — 2540, Берн, Винавер, А. Петров, Султан-Хан — по 2530; Стаунтон — 2520; Алапин, Брейер, Сальве — по 2500; Колле, Земиш, Шифферс — по 2490, Кизерицкий — 2480, Фалькбеер — 2410, Дюфрень — 2370, Менчик — 2350 и т. д.

В приведенных данных А. Эло указал рейтинги шахматистов за пять лет их наиболее успешных достижений.

Наверняка небезынтересна для читателя и оценка А. Эло достижений ряда советских мастеров: И. Рабинович — 2530, Рюмин — 2510, Богатырчук — 2500, Романовский — 2480, Ильин-Женевский — 2460, Дуз-Хотимирский — 2440 и т. д.

Опыт А. Эло нашел подражателей. Одним из них оказался канадский шахматный деятель Н. Дивинский, изобретший не так давно новую систему определения индивидуальных коэффициентов и поспешивший распространить ее на все времена. По Н. Дивинскому, список 10 лучших шахматистов выглядит так: 1. Каспаров — 3096, 2. Карпов — 2876, 3. Фишер — 2690, 4. Ботвинник — 2616, 5. Капабланка — 2552, 6. Ласкер — 2550, 7. Корчной — 2535, 8. Спасский — 2480, 9. Смыслов — 2413, 10. Петросян — 2363. Он полемизирует со списком Эло, который выглядит так: 1. Каспаров, 2. Карпов, 3. Фишер, 4. Иванчук 5. Капабланка, 6–8. Ласкер, Ботвинник и Ананд, 9–10. Широу и Крамник¹.

¹ Все данные, заметим для точной датировки, относятся к 1995 году.

Оставим в стороне особенности статистических выкладок Дивинского и разночтения в приведенных списках. Важно другое: возможно ли столь категорично сравнивать достижения шахматистов разных поколений, даже разных эпох? Английский гроссмейстер Р. Кин на этот вопрос отвечает безоговорочным «да». Он даже посвятил данной теме восторженную статью, в которой, касаясь, в частности, Эм. Ласкера, с удовлетворением отмечает: это выдающийся шахматист — при любой системе подсчета он входит в число шести сильнейших шахматистов всех времен! Но меня эта статистическая эквилибристика отнюдь не умиляет, а, напротив, удручает. Как можно сравнивать, причем с точностью «до копейки», представителей совершенно разных периодов в истории шахмат? Ведь шахматы и шахматные соревнования на протяжении истории очень непохожи друг на друга.

Скажем, как, к примеру, мог Эм. Ласкер, побеждавший в пору расцвета своей карьеры во всех турнирах кряду, превзойти нынешних асов рейтинга? Даже теоретически это было бы невозможно. Дело в том, что тогда в соревнованиях выступали 30–40 шахматистов международного класса, между которыми и шел рейтинговый «обмен». Напомним, что повышение индивидуального коэффициента происходит в основном за счет отъема рейтингового «капитала» у соперников.

Для иллюстрации сказанного правомерна постановка такого вопроса: в какой ситуации вероятнее появление миллионеров — когда 40 человек имеют по 40 тысяч долларов или когда теми же 40 тысячами обладают каждый из 400–500 дельцов? Наверное, приведенная аналогия достаточно ясно показывает различие рейтинговых проблем во времена Ласкера и в наши дни.

Так что, говоря метафорически, вряд ли Эм. Ласкер был бы польщен высказываниями нынешних счетчиков, определивших его на шестую ступень в мировых шахматах. В свою эпоху он был первым, так же, как позднее первыми были Капабланка, Алехин и Ботвинник. По-видимому, неправомерно и сравнение достижений Фишера и Каспарова по рейтинговой шкале. О том, что Каспаров «догнал» и «перегнал» американца, часто писали в 90-е годы. Но

опять-таки не учитывалось, что «бежали» они на разные дистанции. В 60-е и 70-е годы шахматный мир насчитывал не более ста профессионалов с приличным рейтингом, теперь же таких более тысячи. А через несколько лет, если движение шахмат пойдет такими же темпами, то рейтинговая инфляция сделает новый скачок — и придется только удивляться, как много шахматистов достигнут (по рейтингу!) уровня Карпова и Каспарова.

Отмечу еще одно: манипулирование с рейтинговой статистикой может сослужить плохую службу молодым, поскольку вызывает пренебрежительное отношение к классическому наследию, изучению творчества шахматистов прошлого. Ведь те, если подходить к ним с мерками нынешних расчетов, обладали невысокими индивидуальными коэффициентами!

Наверное, на вопросы типа: «Кто был сильнейшим в истории шахмат? Кто играл лучше — Морфи или Керес?» стоит отвечать контрманевром: «А кто был лучшим писателем — Шекспир или Толстой, а полководцем — Суворов или Жуков?» В общем, далеко не всегда качественное своеобразие может быть выражено языком цифр.